

Г.Померанц

Через путаницу добра и зла.

Когда люди стали замечать сдвиги, происходящие в обществе, и заметили существование Истории, – оказалось, что это очень коварная госпожа. Каждый ее вызов может быть осознан; каждая задача отделена от других, определена – и в человеческих силах создать проект решения. Но совершенно невозможно предвидеть, к чему приведет выполненный проект. По мере исполнения, доброе дело оплетается с множеством фактов, которые не учесть, и приносит злые плоды. Ад вымощен благими намерениями; Анатоль Франс написал об этом рассказ «Чудо святого Николая». И наоборот, дело, начатое со злым сердцем, со злой целью и злыми средствами, может где-то обернуться добром (на этом основано хвастовство Мефистофеля, положительная оценка Чингисхана, создавшего зону свободной торговли, и т.п.)

Я отвлекаюсь от того, что Чингисхан саму войну считал добрым делом. Я выношу за скобки все войны и революции. Какими прекрасными ни были цели, каким искренним ни был порыв освободительной войны, священной войны, – ясно, что насилие – средство, способное пожрать любую цель, и в ходе долгой войны цели ее неизбежно подменяются – и подменяются люди, начавшие освободительную борьбу. Поэтому возьмем пример мирного проекта, начатого с добрыми намерениями и выполненного добрыми средствами. В 1948 году возникла проблема беженцев, мешавшая заключить перемирие между арабскими странами и Израилем. Бедные арабские страны не соглашались взять на себя прокорм беженцев. Число беженцев определялось по-разному: от 550 тысяч до 900 и даже миллиона трехсот. Английская оценка может считаться компромиссной (примерно 750000). Две богатые страны, Англия и США, взяли содержание беженцев на себя. Выделенные средства позволили бы организовать расселение беженцев и включить их в нормальную жизнь Египта, Сирии и т.д. Однако арабские страны принципиально отказывались от этого, они требовали возвращения беженцев на незаконно отнятые земли. Таким образом, осталась только одна возможность: благоустроить жизнь беженцев в лагерях.

За год до этого, в ходе раздела Индостана, число беженцев достигло 16 миллионов. Достаточной помощи не было. Индия и Пакистан вынуждены были сделать то, что делали греки с беженцами из Турции, немцы с населением восточной Пруссии и Силезии: расселять на новых местах. Через пару лет проблема беженцев исчезла со страниц газет и журналов.

На Ближнем Востоке мешало принципиальное несогласие признать реальность Израиля и развитие пошло другим путем. Объединенные нации,

получив средства от Англии и США, создали в лагерях беженцев удовлетворительные условия жизни; молодежь училась, получала начальное, среднее и высшее образование. Арабские страны (многие из которых стали богатыми) полностью стряхнули с себя эту проблему. Палестинцам давали работу, но не предоставляли права гражданства, социальное страхование и т.п. Палестинец всюду чувствовал себя изгоем, и всюду росло чувство обиды без вины виноватых.

Особенно ярко горел костер обиды в лагерях, где оставались подрастающие дети. Они были беженцами от рождения до смерти. Лагерь стали школами ненависти, накал которой всё рос. Произошло что-то вроде превращения временной припухлости в постоянную и злокачественную опухоль. В этой психической опухоли злокачественные клетки стремительно размножались и создавали метастазы. Люди, в душе которых растёт и растёт обида, не способные расстаться с обидой, ставшие воплощением обиды, полны разрушительной энергии. Такая энергия создает катастрофы, как Настасья Филипповна – в романе «Идиот». Она способна взорвать мир.

Человеку, переполненному обидой, всё позволено; он это сознает и позволяет. Столкнулись две обиды: израильтян за холокост и арабов за потерю Палестины. Сложился тип недоучившегося студента, ставшего террористом. Мы его хорошо узнали в России. Первыми террористами на Ближнем Востоке были выходцы из нашей страны; потом они выиграли войну и стали противниками террора, но дети арабских крестьян, выучившись за счет ООН, окунулись в террор, как в родную стихию.

Накал возмущения, копившегося у беженцев, хорошо описан в книге Фаваза Турки «Дневник палестинского изгнанника». Я реферировал эту книгу и хорошо ее помню. Сегодня этот накал интеллигентского возмущения, похожего на пафос революции, слился с фанатизмом традиционной религии и создал тип шахида – рыцаря глобального террора. Так доброе решение, выполненное добрыми мирными средствами, привело к злу, с которым никто не может справиться. И это не единственный пример.

Обратимся теперь к действию, начатому с заведомо недобрыми намерениями: к подхлестыванию нашего наступления от Курской дуги до Берлина. Летом 1943 г., после двух прорывов южного фронта немцев по реке Миус, наша пехота представляла собой довольно жалкое зрелище. На запад катились «студебекеры» и «шевроле» с прицепленными к ним орудиями, а за ними плелись в пыли уцелевшие пехотинцы. Немцы не мелочились, сразу отходили на хорошо подготовленную линию Вотана. И я подумал: ну что ж, исход войны решен. Теперь эти студебекеры и шевроле довезут наши пушки до границы. А Гитлера пусть добивают союзники; мы свое дело сделали.

Сталин думал иначе. В освобожденных областях мобилизовали мальчиков и стариков, избежавших угона в Германию, и пополнили стрелковые роты пушечным мясом. Возвращались в строй и легко раненные, но основной массой стрелков были «трофейные солдаты». Они легко терялись в бою и гибли несравненно чаще, чем ветераны. Обучать некогда было. Сталинские приказы требовали наступать, не считаясь с потерями.

Чего хотел Сталин? Захвата Восточной Европы, а с этого трамплина – и всей Европы. Бессмысленная затея ничего не дала, кроме растраты народных сил России и ненависти покоренных, исторически чуждых Российской империи, не желавших входить в нее и не примирившихся с порабощением. Ради этой цели, оказавшейся призраком, исчезнувшим через несколько десятков лет, солдаты и офицеры наступающей армии накачивались духом ненависти и мести, и дух этот вырвался на волю, когда мы перешли долгожданную границу, когда мы оказались «в логове зверя».

Заодно захватило и Венгрию. Вышла на русском языке книга венгерки, которую наши воины–освободители изнасиловали шестьдесят три раза и наградили сифилисом. Эта женщина не была сломлена, она сумела физически и духовно одолеть свою судьбу и на старости лет описала то, что ей пришлось перенести. Тираж книги небольшой, 500 экз., но если рукописи не горят, то тем более не сгорит книга. Надо смотреть фактам в глаза, было и такое. Хотя по большей части, обходилось принуждением к сожительству: победитель показывал пистолет, как ордер, и женщина покорялась. Впоследствии многие воины, вспоминая свои подвиги 1945 г., испытывали чувство стыда.

Однако допустим, что Сталин пожалел солдат, снизил темп наступления и предоставил Европу союзникам, несравненно более близким народам Центральной Европы, чем русские. Как бы союзники выполнили свою задачу? Пошли бы они на жертву миллионами жизней солдат или пустили в ход атомную бомбу?

В августе 1945 года бомбы уже были готовы. Готовились они не для Хиросимы и Нагасаки, а для Берлина и Эссена. Эйнштейн написал свое письмо Рузвельту в 1942 году, когда флаг со свастикой развевался на Эльбрусе. Казалось, что только атомная бомба может остановить Гитлера. Опенгеймер и его команда физиков-антифашистов работали для этой цели. И медлить нельзя было: немецкие физики тоже трудились над изобретением секретного оружия...

Гитлер не капитулировал бы со второй бомбы, как Хиروهито. Он не был потомком богини Аматерасу, оставшимся после капитуляции в своем дворце. Если бы фюрер не покончил с собой, его повесили бы. И после первой пары бомб он продолжал бы сопротивление до десяти, до двадцати атомных грибов, до превращения Центральной Европы в выжженную пустыню, из которой ветер разносил бы облака радиоактивной пыли на запад и восток, на север и юг.

Когда мы думаем о подвигах и преступлениях советских солдат, их разнузданность весной 1945 года кажется каплей зла сравнительно с атомной катастрофой, от которой армия, штурмовавшая Берлин, спасла Европу. Наши солдаты – простодушные варвары. Дорвавшись до окопов противника, они в плен не способны были брать, убивали сдающихся в плен, поднявших руки. А через четверть часа, когда немец, притворившийся мертвым, подымал голову, его угощали трофейной сигаретой и вели в штаб. Что-то подобное случилось и в Германии. Помрачение ума длилось две недели. После этого люди снова стали людьми и очень жалели своих квартирных хозяек, когда чехи стали поголовно выселять немцев из Судетенгау.

Бывают состояния аффекта не только у отдельных людей, но и у целых армий, целых народов. Состояние аффекта позволяет суду оправдать преступника. Но у Сталина не было временного помрачения, было постоянное господство мрака, и оно не заслуживает оправдания.

Покойный Вениамин Львович Теуш, сосед и друг четы Солженицыных в Рязани, написал комментарий к «Одному дню Ивана Денисовича». Из этого самиздатского текста мне запомнилось различие между человеческим и дьявольским злом: человеческое ожесточение перегорает и гаснет; дьявольское зло негасимо. Человеческое чувство различает врагов и друзей; дьявол с наслаждением мучает и истребляет свои собственные кадры... Моделью дьявола для Теуша явно был Сталин.

Варварское поведение солдат и офицеров показало, что ни христианизация на византийский лад, ни цивилизация на западный лад не были доведены в России до конца. Лесков писал об этом еще до разрушения культурного слоя, из которого брались царские офицеры: «Евангелие в России еще не было проповедано». Под тонким покровом культуры шевелился хаос, и напряжение войны вытолкнуло наружу наследие викингов, зарезавших Бориса и Глеба и простодушно хваставших своим подвигом. Ибо это деяние, окаянное в глазах иноков, ничем не противоречило варварской лестнице ценностей: «золото, женщины, месть, слава». Грабежи и насилия над женщинами не противоречили солдатскому пониманию воинской доблести.

Для людей, иногда даже образованных, но оставшихся душой на уровне дружин Ярослава, Сталин долго еще будет кумиром. Стихотворение Куняева о Карле XII хорошо передает их чувства. Они гордятся родством с бичом Божьим, как монголы – родством с Чингисханом. Чтобы избавиться от этого наваждения, недостаточно перекреститься на икону. Нужно преображение. Я не теряю надежды на творческое меньшинство. Но дух Сталина не раз еще будет искушать народ, хотя бы прах изверга был заложен в царь-пушку и выстрелом развеян по ветру.

Параноидный клубок в душе Сталина стал приемником «анонимных сил» истории, вырвавшихся наружу в 1914 году и с тех пор не обузданных. Об этих силах хорошо написал Гершензон: «Вокруг человека и в нем самом кишат несметные силы, о которых он вовсе не может быть осведомлен сознательно; эти силы, неуловимые для разума, чрезвычайно энергично действуют в мире... Эта война сразу приняла такие размеры и такой характер, что ее смысл как мировой катастрофы обнаружился с первых дней. Кажется, новый потоп, но уже не водный, а огненный, послан на землю за беззаконие людей... Эта черная туча, разразившаяся кровавым ливнем над Европой, скоплялась в течение многих лет... В нравственном мире, как и в физическом, есть свой закон сцепления, и порою рассеянный в мире грех собирается в грозные тучи, смывающие города и истребляющие целые царства. Нужно дать себе ясный отчет в этой простой истине, и нужно это для того, чтобы не бледнеть лицемерно или наивно перед ужасом войны, не видеть в ней внезапную напасть и не отрешиваться от ответственности за нее... За нынешний ужас каждый в прошлом виновен, и по делам теперь каждому нести свою часть кары. Для нынешней катастрофы нам уже поздно каяться и поздно учиться, но надо сознать былую ошибку и научить детей».

Гершензон говорил это в Киеве, 29 марта 1917 года. Бедствия тогда только начинались. Они намного превзошли ужасы первой мировой войны. Текст лекции о кризисе современной культуры («Избранное», том 4, М., 2000) звучит так, как если бы она состоялась после всего страшного опыта XX в. Как избежать продолжения этого опыта, не поддаться обаянию медиумов «анонимных сил», переворачивавших вверх дном народы и государства? Как сохранить свою внутреннюю свободу перед лицом сатанинского величия? Принципы здесь не спасают. Нет такого злого дела, для которого нельзя найти прекрасного основания. *Zu Grunde kommen ist zu Grunde gehen*, – писал Гегель (прийти к основанию – значит пойти ко дну). Спасает чувство «Божьего следа», как это назвал Антоний Сурожский: «Действия Христовы рождаются изнутри глубинного созерцания, и только из глубин созерцания может родиться деятельность христианина. Иначе это будет деятельность, основанная на принципах – нравственных, богословских или любых принципах; но сколь бы ни были они истинны, прекрасны, справедливы, они не соответствуют божественной динамике, внезапной динамике небывалого, непостижимого, в чем именно характерно действие Божье. Мы, христиане, призваны жить на большей глубине, жить глубокой внутренней жизнью – но не в смысле обращенности на самих себя. Мы призваны уйти глубже этой обращенности, и самая эта глубина позволит нам взглядеться долго, спокойно, пламенно-чисто в канву истории, канву жизни и благодаря такому созерцанию, глубокому взглядыванию различить в ней след Божий, нить Ариадны, золотую нить,

красную нить, которая укажет, куда Бог ведет нас среди окружающей нас сложной целостной жизни. И тут громадная разница между мудростью и человеческой опытностью. Опытность – результат прошлого, накопленный человеческий опыт, она обращена к пережитому, опыту более обширному, чем личный опыт, и делает выводы интеллектуально основательные, точные, глубокие. А мудрость поступает «безумно». Мудрость состоит в том, чтобы погрузить свой взор в Бога, погрузить свою взор в жизнь в поисках того, что я только что назвал следом Божьим, и действовать безумно, нелогично, против всякого человеческого разума, как нас учит поступать Бог» («Континент», 1996, № 89. Перевод Е.Л.Майданович).

Мудрость, – если перевести слова вл.Антония на книжный язык интеллигента, – это скачок интуиции, не требующий никакого логического обоснования. Скачок интуиции, выводящий из тупика логических построений, основанных на прошлом опыте, неприменимого к неслыханной новизне. Это мудрость постоянного вглядывания в неожиданные и небывалые повороты жизни. Она не гарантирует от ошибок, но дает возможность быстро исправлять их, постоянно ставя созерцание целого выше аксиом (принципов) и логических выводов; не отказываясь от аксиом и логики, но постоянно сознавая их несовершенство в попытках ухватить истину. Мудрость требует выхода за рамки своей обусловленности эпохой и культурой, требует готовности к диалогу, в котором дух его, объединяющий людей, ставится выше столкновения реплик. Но для этого требуется взгляд на современные споры как бы с неба, как бы с птичьего полета, перешагивая через противоречия, охватывая их в некоем метахудожественном и металогическом единстве...